

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

А. Б. Соколов

А. Н. Савин как историограф Английской революции

В статье с современных историографических и методологических позиций анализируется вводная часть «Лекций по истории Английской революции» видного русского историка начала XX в. А. Н. Савина, посвященная трудам историков, писавших об этом событии середины XVII в. Изучение взглядов Савина как историографа способствует решению дискуссионного в исторической науке вопроса о его методологических позициях. Савин подчеркивал влияние общественно-политической атмосферы на формирование идей историков. Представления Савина об историческом процессе, о развитии исторической мысли и вкладе разных историков в историографию революции позволяют сделать вывод о приверженности объективизму и о позитивистском характере его взглядов. Образцом для Савина является видный английский историк-позитивист С. Гардинер, которого он наделяет лучшими качествами исследователя. С идеологической точки зрения критерием для оценивания Савиным разных историков является вопрос о месте двух английских революций, Великой и Славной, в истории Англии. Он сторонник точки зрения, которая отводит главное место революции середины XVII в.

Ключевые слова: Савин, методология, историография, позитивизм, две английские революции XVII в.

A. B. Sokolov

A. N. Savin as Historiographer of the English Revolution

In the article the introductory part of "Lectures on History of the English Revolution" by the famous Russian historian of the beginning of the XX century A. N. Savin is analyzed from the modern historiographical and methodological positions. The study of his views as historiographer helps to solve the problem of his methodological position which is discussed today. Savin stressed the influence of social and political atmosphere on forming the ideas of historians. The ideas of Savin on the process of history, on the development of the historical thought, about the contribution of different historians into historiography of the revolution, help to make a conclusion about his attraction to objectivism and about the positivist character of his views. The well-known English historian positivist S. Gardiner is model to Savin, he attributes Gardiner with the best qualities of researcher. From the ideological point the criteria to Savin to evaluate different historians, is their views on the role of two English revolutions, Great and Glorious, in English history. He supports the view which gives the main place to the Revolution of the middle of the XVII century.

Keywords: Savin, methodology, historiography, positivism, two English revolutions of the XVII century.

В недавней статье я подчеркнул, что в оценке методологических воззрений одного из крупных русских историков начала XX в. Александра Николаевича Савина существует значительный разброс мнений: от провозглашения его сторонником субъективного идеализма (Б. Г. Могильницкий) до фактического признания позитивистской направленности его идей (Е. В. Гутнова, М. В. Винокурова). При этом слово «позитивист», один из маркеров Чужого в советской историографии, не использовалось. Это лишь отчасти объясняется тем, что Савин избегал общих рассуждений о философии истории, концентрируясь на эмпирических исследованиях. Видные советские историки старшего поколения (Е. А. Косминский, Д. М. Петрушевский, С. Д. Сказкин, В. М. Лавровский), являвшиеся его учениками, конструировали сугубо положительный образ Савина-историка на основе пра-

вил, рожденных в историографическом дискурсе советского времени. Они избегали детального рассмотрения тех аспектов концепции Савина, которые могли неминуемо требовать резкой критики в его адрес. Мною выделены три доминировавших правила «говорения» о нем: подчеркивание «неопределенности» и противоречивости его взглядов, включая отрицание им «крайностей» материализма и идеализма; подчеркивание личности его от «других буржуазных историков»; подчеркивание его меньшей зависимости от кризиса буржуазной исторической науки в начале XX в., меньшего влияния на него субъективистской неокантианской философии [7]. Я определил это историографическое явление как «фактор благодарного ученика». Любопытно, что аналогичное мнение высказалось неназванными авторами издательского предисловия к третьему изданию книги Савина «Лекции по истории Анг-

лийской революции»: «Относительно лояльное отношение к трудам и личности А. Н. Савина в отечественной историографии в советский период, видимо, является результатом стараний его учеников» [5, с. 3].

В упомянутой выше статье я осторожно высказал мнение, что методологические взгляды Савина ближе всего к позитивизму, однако эта гипотеза требует дальнейшего исследования. В настоящей статье анализируются историографические оценки, которые Савин давал трудам специалистов по английской революции в его «Лекциях по истории Английской революции». Я предполагаю, что они дают представление о его методологических предпочтениях. Тем не менее, следует помнить: курс по истории английской революции читался Савиным в Московском университете и на Высших женских курсах в 1907/08 гг. и 1909/10 гг., а был издан только через год после его смерти, в 1924 г. Следовательно, он был фактически подготовлен к печати не им самим, а его учениками, в какой-то степени с учетом новых общественных реалий. Одна деталь: носящая историографический характер первая глава книги содержит изложение трудов историков в «свободной манере», но как только дело доходит до Маркса, в тексте обнаруживаются точные цитаты и сноски. Второе издание книги 1937 г., подготовленное Косминским, «не вносит почти ничего нового» по сравнению с изданием 1924 г.

Как неоднократно отмечали историки, «Лекции по истории Английской революции» – это не только учебный курс, а оригинальное научное исследование, одно из самых значительных в отечественной историографии данного события британской истории. С историографической точки зрения особый интерес представляет первая глава «Обзор литературы». Савин проявил себя как проницательный историограф, метко ухватывающий главную идею исторического сочинения. Пожалуй, наиболее примечательная сторона – его желание и умение «увязать» концепции историков с контекстом времени. Развитие историографии английской революции виделось ему не только как свободное размышление, не просто как достижение разума, но и как результат общественных сдвигов. Следовательно, Савин далек от чисто идеалистического подхода в интерпретации исторической мысли, но видит в ее эволюции определенную материалистическую подоплеку. Поскольку он много раз возвращается к мысли о влиянии контекста времени на формирование исторических интерпретаций, не будет

преувеличением утверждать: для него это закономерность в том духе, в каком позитивизм видел цель истории в познании законов развития. В то же время Савин не идет настолько далеко, чтобы представлять историков «рабами» дискурса, как это свойственно современной постмодернистской литературе.

Понимая историографию как развитие идей, он, являясь объективистом, фактически приходил к выводу о возможности «правильной» интерпретации исторических событий. Об этом свидетельствует самая первая фраза его труда: «Правильное понимание важнейших событий в истории Англии XVII в. установилось не сразу» [4, с. 5]. Высоко оценивая своего современника С. Гардинера, Савин связывал с трудами последнего то, что «наступила пора спокойного изучения», «люди и события отодвинулись настолько, что теперешний наблюдатель может, если захочет, без грубых ошибок воспроизвести общие очертания и пропорции разных перипетий и разветвлений самой большой английской драмы. Эти люди XVII в. отнюдь не чужие нам, особенно англичанам. Некоторые волновавшие их вопросы перестали трогать нас, умерли. Но другие все еще живы, не решены. Третьи, конечно, все еще долго останутся нерешенными, будут разъединять и сталкивать сердца и головы. И все же равнодействующая теперешней жизни настолько уклонилась от старины XVII в., что выводы серьезного исторического исследования стали приемлемы для людей разного философского, религиозного, политического склада» [4, с. 43].

О чем этот отрывок? Отвлекаясь от замечательного, изумительного, но, увы, затрудняющего понимание главной идеи, стиля, отвлекаясь от несущественной для автора оговорки, что какие-то вопросы все еще могут «разъединять и сталкивать», признаем: в основе отрывка утверждение, совершенно позитивистское по сути, о том, что собраны, наконец-то, необходимые точные, или позитивные, факты, которые и позволяют «спокойно изучать» и делать выводы, «приемлемые» для гуманитариев «разного склада». Разумеется, сбор таких фактов можно и должно продолжать: «Мы еще далеки от симметричного знания», плохо знаем «трудового человека», батрака, подмастерье, бродягу, йомена и мастера, «все еще недостаточное внимание привлекают общинное поле, огороженная ферма, придорожный кабак, где собирается в сумерках подозрительный люд, скромный дом городского мастера, лавка скупщика, просторный сарай молодой мануфактуры, лондонский док, стягивающий к себе

все лишнее, что вырабатывается в смятенной стране» [4, с. 43]. На эту важную цитату надо посмотреть с двух точек зрения. С одной стороны, она не должна смущать, ибо не опровергает главного утверждения, что и собранных фактов достаточно для «спокойного изучения». С другой стороны, привлекая внимание к явлениям социально-хозяйственной жизни как менее изученным в историографии, Савин как бы вторгается в главную для себя сферу земельных отношений в Англии. Да и указание на значимость такого рода тематики не противоречило некоторым тенденциям, присущим позитивистской историографии (Спенсер, Лампрехт, Ключевский и др.). Опровергающая позитивизм идеалистическая субъективистская методология акцентируется не на достоверности имеющихся фактов, а на том, что вопросы прошлого неизбежно «разъединяют сердца и головы», – Савин же считал это второстепенным и неважным.

Проанализируем оценки, которые давал Савин взглядам историков, авторов наиболее значимых трудов по английской революции. Они дают ключ к пониманию методологических воззрений Савина. Также стоит обратить внимание на то, насколько эти оценки соответствуют историографическим представлениям нашего времени, и на то, кто «выпал» из когорты русского историка. Савин фактически делил всю историографию английской революции на два главных периода. Первый период XVII–XVIII вв. характеризуется отсутствием научной историографии проблемы; «пелена лежала на глазах» современников, как сторонников старого порядка, так и представителей революционного движения, которые «изумляются, почти не верят им, их быстроту и полноту приписывают не себе, а персту божию» [4, с. 7–8]. После того, как «отшумели бури первой “великой” английской революции, длинный ряд поколений, напуганных ими до потери чувства перспективы, оглядывался на пережитую смуту с радостью по поводу ее конца, с тревогой по поводу возможности ее повторения, оглядывался и отвергивался, закрывал глаза, старался забыть эти 20 лет, как тяжелый, но, к счастью, безвозвратно миновавший кошмар» [4, с. 5]. Используя методологические категории нашего времени, можно сказать: по мнению Савина, пока жива была историческая память о великой революции, было невозможно «правильное понимание», истинное «чувство перспективы». Этот тезис лежит в основе в целом отрицательной оценки Савиным исторических трудов современников революции и историков эпохи Просвещения, прежде всего лорда Кларендона и Д. Юма. Только с уходом «длинного ряда поколений» на-

ступил новый период научного «спокойного» изучения. К этой мысли Савин обращался не раз: «Реабилитация «великого мятежа» есть дело только XIX в.»; «Переоценка явлений XVII в. с точки зрения их положения в английской истории была делом некоторых английских историков XIX в.» [4, с. 5; с. 27].

Савин начинал, разумеется, с Эдуарда Гайда, лорда Кларендона, заслуги которого как историка он, как и английские историки-позитивисты конца XIX – начала XX в., оценивал невысоко: «Этот человек, находившийся в чрезвычайно благоприятной обстановке, чтобы видеть все нити революционного процесса, ровно ничего не понимает в нем» [4, с. 8]. По мнению Савина, Кларендон «терялся в догадках» по поводу причин смуты, рассуждал о том, что «у народа точно помутился разум, все точно взбесились». «Растерянность до такой степени овладевает сознанием этого историка первой революции, что он склонен объяснять события как хитрое насилие ничтожного меньшинства над заблуждавшимся близоруким большинством», – заключал Савин, проводя аналогию между Кларендоном и известным историком французской революции И. Тэном [4, с. 9]. Такая интерпретация взглядов Кларендона до крайности упрощает их и кардинально расходится с оценками, которые даются этому первому историку английской революции в современной историографии [см. подробнее: 6]. В основе неприятия Савиным взглядов Кларендона лежат принципиальные методологические различия между ними. Как и подавляющее большинство людей его эпохи, Кларендон видел в ходе истории «перст божий», однако в духе арминнианского учения он полагал: у любого человека есть свобода выбора, действия людей, участников революции, не были «запрограммированы». В то же время каждому придется платить за нарушение моральных принципов. Поэтому от выбора людей зависит то, как развивается историческая ситуация. Совершенно неслучайно очень значительное место в сочинении Кларендона занимают исторические портреты, которые многим казались самой привлекательной его частью. Например, философ-моралист начала XIX в. У. Бурдон утверждал, что Кларендон «превозмогал всех историков в силе изображенных им характеров» и сопоставим в этом отношении только с Шекспиром [10, р. 92].

Для позитивистов, искавших исторические законы, подход на основе морали представлялся ненаучным. Близкий к Гардинеру Ч. Фирт называл его «дидактическим». Он заявил: «Гайд писал не просто, чтобы отметить политические

ошибки прошлого, но чтобы предложить правильную политику в будущем» [12, part 1, p. 44]. Кларендон рассматривал свое сочинение как урок королям и королевским советникам, как источник, позволяющий извлечь информацию об ошибках и получить своего рода инструкции для управления. Историк-позитивист начала XX в. Фирт считал, что стремление Гайда к научению следующих поколений вело к утрате объективности и снижению ценности его сочинения. Однако стоит заметить: отрицание Кларендоном долговременных предпосылок революции корреспондирует с трудами представителей современного ревизионистского направления в британской историографии, придерживающихся идей многовариантности и альтернативности исторического процесса. Так, известный историк К. Рассел утверждал: чтобы ответить на вопрос, почему в 1642 г. началась гражданская война, нет надобности в рассмотрении долгой истории отношений между королями и парламентами; надо решить, почему собравшиеся в ноябре 1640 г. депутаты Долгого парламента и в страшном сне не могли представить, что будут воевать против своего короля, но уже через несколько месяцев оказались в состоянии войны с ним.

Ответ можно найти путем анализа конкретных обстоятельств, личных и групповых интересов, проявившихся в первые недели и месяцы революции. Но ведь это и есть та самая идея, которую отстаивал Кларендон. Например, у Рассела можно прочесть, что рассмотрение «приближения гражданской войны как некоего отдельного события является «логическим заблуждением», что невозможно «выстроить организованную последовательность долговременных причин, приведших к тому, что король поднял свой штандарт в Ноттингэме. Тем не менее, если мы задумаемся об объяснении последовательности событий, то, вероятно, придем к открытию, что разные события в этой последовательности имели и разные причины» [14, p. 10]. В методологическом отношении ревизионисты близки Кларендону в том, что видят истоки исторических событий не в законах, носивших долговременный характер, а в конкретных, даже случайных обстоятельствах, в позициях и амбициях отдельных людей. Как и Кларендон, Рассел и другие историки-ревизионисты отстаивают мысль о том, что настоящим толчком для конфликта стала политика Карла I в Шотландии, внедрение англиканского молитвенника.

Савин упрекал Кларендона в том, что тот видел причину революции в «насилии меньшинст-

ва», то есть в действиях группировки Пима в Долгом парламенте. Кларендон писал: «В палате общин было много мудрых и уравновешенных людей, хотя и недостаточно преданных Двору, но обладавших чувством долга к королю и привязанностью к правительству, основанному на законе и древнем обычае. Несомненно, что основная часть этих людей не помышляла нарушить мир в королевстве или внести существенные коррективы в управление церковью и государством. Следовательно, вначале была работа с этими людьми, направленная на то, чтобы разложить их сообщениями об опасностях для всех, дорожащих свободой и собственностью, о попрании и извращении законов, утверждении абсолютной власти, благоволении папизму в ущерб протестантской вере. Одним внушали эти чудовищные идеи, других пугали, будто их прежние поступки вызывают вопросы, у третьих будили надежду, что сотрудничество даст должности, звания и любого рода поддержку в продвижении» [11, v. 1, p. 244]. Стоит подчеркнуть, что и в современной историографии существует точка зрения: фобии и страхи, сопровождавшие процесс Страффорда (ноябрь 1640 – май 1641 г.) и дальнейшие события, бесконечные слухи о заговорах создавали атмосферу подозрительности и недоверия [8].

Историк Р. Оллард, сравнивая Кларендона и Гардинера, писал: «Текст Кларендона призван подтверждать постоянно: война не была неизбежной; несчастливые обстоятельства, дурные поступки и глупость разрушили преобладавшую вероятность договориться... Возможно, он был неправ. Возможно, представители многих исторических школ будут стоять на том, что причинность событий нельзя грубо связывать с поступками и целями индивидов, а надо искать ее в слепых безличных силах, будто в движении звезд. Но даже если мы не принимаем такие объяснения – а Гардинер, безусловно, не принимал – прежде чем отвергать интерпретацию Кларендона, надо помнить, что он знал людей, о которых писал, и присутствовал в сценах, которые описывал» [13, p. 51–52]. Кларендон считал, что компромисс и соглашение давали, по крайней мере, Короткому парламенту шанс предотвратить гражданскую войну; Гардинер считал иначе. Ссылаясь на Рассела, Оллард подчеркивал, что в эпоху Ч. Дарвина Гардинер не мог рассматривать прошлое иначе, чем в эволюционной перспективе, воплощение которой он видел в парламенте. К этому добавлялась подспудно гордость от собственного происхождения: Гардинер был прямым потомком Кромвеля.

Савин считал нужным упомянуть двух современников Кларендона, историка Долгого парламента Томаса Мейя и известного политического теоретика Джеймса Гаррингтона. Они «не удовлетворились объяснениями, подобными объяснениям Кларендона», то есть в некотором смысле он ставил их выше. Заслугу Мейя он видел в постановке вопроса о развитии религиозного сознания как предпосылки революции; значение «Океании» Гаррингтона – в постановке вопроса о роли хозяйственных явлений в истории общества. Больше внимания Савин уделил Дэвиду Юму, произведение которого «История Англии» он назвал «лучшим образчиком» взглядов, распространенных в английском обществе в XVIII в. Юм был критичен по отношению к Английской революции и Кромвелю, «черты характера которого поражают нас своей резкостью и определенностью в той же мере, в какой истинные цели его поступков казались современникам смутными и непостижимыми... Сторонник законности, хотя вся его публичная деятельность превратилась в один бесконечный акт ее попраiania; человек искренне преданный религии, хотя он постоянно употреблял ее в качестве орудия собственного честолюбия, Кромвель стал на путь преступлений в надежде достичь верховной власти – соблазн для человеческой природы, в общем непреодолимый. Но ту власть, к которой пришел он через насилие и обман, Кромвель сумел использовать разумно, и потому наше восхищение его громадным гением и блестящими успехами уменьшает, если не совершенно сводит на нет наше отвращение к его чудовищным злодеяниям» [9, с. 273–274]. Как видно, если Юм и признавал в Кромвеле черты гениальности и смелость духа, все же был убежден, что они использовались с преступной целью достижения власти.

Портрет Кромвеля, созданный Юмом, резко отличался от портрета короля Карла I, который был в описании историка, прежде всего, человеком благородным. Негативная оценка, которую Юм давал Кромвелю и Английской революции, в целом отражала свойственное просветителям убеждение, что главной причиной войн и гражданских столкновений был религиозный фанатизм, присущий пуританам и самому вождю революции. От Савина не укрылось ни общее отрицательное отношение Юма к революции, которого он не разделял, ни его скептицизм и критика религиозного фанатизма. Юм гораздо выше Великой революции ценил переворот (так называл Савин Славную революцию 1688 г.), который «разрубил гордиев узел: властно и твердо разрешил вековой спор между короной и парламентом,

дал безусловное преобладание «народным началам» [4, с. 15]. С такой оценкой Савин, ставивший на первое место революцию середины XVII в., не согласен.

В XIX в. оценки Великой революции претерпевают изменения, но это произошло не сразу. По Савину, два крупнейших историка первой половины XIX в., Генри Галлам и Томас Маколей, были ближе к прежней точке зрения. Характеризуя взгляды Галлама, Савин писал: «Никогда сопротивление тирании не было более законно, чем в 1640 г. Но в событиях 40-х и 50-х гг. с несравненной ясностью раскрылись опасности, которые таит в себе законная революция. Благородные защитники свободы не сумели остановиться на той позиции, на которой они должны были остаться, по мнению Галлама. Опьяняющий дух революции увлек их за собой, и они превратились в нетерпимых насильников» [4, с. 16]. Что касается Маколея, то никто больше него «не способствовал возвышению второй революции над первой». Это общеизвестно – действительно «Историю Англии» Маколей начинал с таких слов о Славной революции: «Я прослежу ход той революции, которая, закончив долгую борьбу между нашими государями и их парламентами, связала воедино права народа с правом царствующей династии» [3, с. 1]. И все же, с моей точки зрения, Савин недооценивал различия Маколея и Юма. Это нашло выражение, например, в отношении к Карлу I, но и не только. Если у Юма король Карл I – человек благородный, хоть и не без недостатков, то Маколей писал: «Двуличность Карла сделала его старинных врагов непримиримыми, оттолкнула в ряды недовольных множество умеренных людей, совсем было готовых перейти на его сторону, и так жестоко огорчила лучших его друзей, что они несколько времени держались в стороне, безмолвно стыдясь и негодуя» [3, с. 92]. В то же время этот историк считал казнь короля не только преступлением, но и ошибкой революционеров, позволившей считать его мучеником. Главное же в том, что Маколей рассматривал причины революции как долговременные, идущие, по меньшей мере, со времени воцарения династии Стюартов в лице Якова I в 1603 г. «Трусость, ребячество, педанство, неуклюжая фигура и манеры, провинциальный выговор делали его посмешищем», – писал о нем Маколей [3, с. 60]. В современной британской историографии господствует иное мнение об этом короле: при всех недостатках его считают гибким политиком, гораздо более способным к управлению, чем его сын. Савин особо отмечал, что «История Англии» Маколея писалась под впечатлением европейских революций 1848 г., что, с учетом его отрицательного отношения к вы-

ступлениям общественных низов, предопределяло осторожное отношение к Великой революции.

Замечательны наблюдения, которые сделал Савин по поводу работы французского историка Франсуа Гизо «История Английской революции». Ее первая часть, посвященная правлению Карла I, вышла в 1826–27 гг., то есть в период Реставрации Бурбонов во Франции. В попытке Карла Английского править без парламента читатели видели прямую аналогию с Карлом X Французским, антиконституционализм которого привел к революции 1830 г. Главная заслуга Гизо состояла в том, что он видел в Английской и Французской революциях явления одного порядка, события, двигавшие Европу в одном, буржуазном, направлении. Савин пишет об этом так: «Гизо настаивает на том, что сходство двух революций важнее различий между ними. Он подчеркивает единство цели и стремлений. Проникнутая глубоким религиозным воодушевлением, английская революция, тем не менее, подобно французской, подняла знамя религиозной свободы; несмотря на свои аристократические связи, она доставила политическое преобладание общинам: несмотря на всеобщее увлечение политической борьбой, она потребовала социальных реформ, и хотя в этой области не имела решительного успеха, все же содействовала умалению чудовищного неравенства феодальной системы» [4, с. 22]. Однако после 1848 г., когда Июльская монархия пала, а политическая карьера Гизо была разбита, он кардинально пересмотрел свои взгляды, утверждая в 1854 г., что социальные реформы могут быть проведены не революцией, а только сверху; что 1688 г., а не Великая революция «наиболее счастливый и важный момент английской истории». Упомянув о появлении трудов немецких историков Рудольфа фон Гнейста (не часто упоминаемого в современной историографии) и Леопольда фон Ранке, классика историографии XIX в., патриарха объективистской методологии истории, Савин вновь подчеркивал контекст времени – «падение абсолютизма, когда английские претенденты борьбы за политическую свободу приобрели для немцев жгучий интерес современности» [4, с. 23].

Главным поводом для критики этих историков со стороны Савина было предпочтение, которое оба отдавали Славной революции 1688 г. по сравнению с революцией середины XVII в. При этом Гнейст, по словам Савина, утверждал «едва ли приемлемое для нас представление, будто бы золотым веком английской истории является эпоха Ганноверской династии, полоса замкнутых

городских корпораций и гнилых местечек, деревенского полновластия скуайров (так в тексте. – А. С.) и священников, полоса массовых огораживаний, мучительных родов крупной машинной индустрии, высоких хлебных цен, быстрого умножения призреваемых пролетариев» [4, с. 25]. Таким образом, Савин критиковал один из главных тезисов либерально-вигской историографии, рассматривавший долгий XVIII в., наступивший после Славной революции, как время стабильности и мудрого спокойствия.

Предшественником настоящего пересмотра представлений о Великой революции Савин считал Уильяма Годвина, рассматривавшегося в советской историографии как демократ и мыслитель, в произведениях которого видны элементы утопического социализма. Под влиянием Французской революции в 1793 г. он написал трактат «Политическая справедливость», а много позднее, в 1820-х гг., книгу «Английская республика». Савина привлекает то, что Годвин высоко оценивал республиканцев революционной эпохи, демократов-левеллеров, которые отказывались «успокоиться на отрицательном начале свободы, на обеспеченности имущества и жизни, личном благосостоянии. Они хотели положительного общего счастья, построенного на общей симпатии» [4, с. 29]. На мой взгляд, Савин преувеличивал влияние Годвина на историографию английской революции; скорее в его интерпретации проявились его собственные политические и социальные идеи.

Иное дело Томас Карлейль, чья роль в пересмыслении революции общепризнанна. Еще Маркс заметил, что Карлейль «снял с виселицы труп протектора». Свое отношение к революции, а главное к Кромвелю английский историк выразил через призму концепции «героев и толпы». Испытывая глубокое недоверие к народной демократии, рассматривая исторический процесс как воплощение предначертаний Бога и поиска истинного вождя, Карлейль видел источник величия Кромвеля в его глубокой вере, в опоре на пуританскую Библию. Карлейль писал: «Вы обращаете свой взор на свирепого отверженного Кромвеля – вот единственный человек из всех, в ком вы до сих пор чувствуете настоящего человека. Он не облакался в кольчугу кротости, он выступал, ничем не прикрываясь, он схватывался, как гигант, лицом к лицу, сердцем к сердцу. Таковы, в конце концов, все люди, стоящие чего-нибудь. Многие, я думаю, согласятся со мной, что гладковыбритые достопочтенные мужи не стоят собственно ничего» [2, с. 226].

Мы ощущаем, что Савин впечатлен его трудом: «Мы встречаем у Карлейля поистину беспретпетную переоценку призрачных исторических формул. Самый непопулярный, по мнению многих, самый позорный из всех периодов английского прошлого объявляется высочайшей вершиной мировой истории, лицемерный и себялюбивый царевубийца – совершеннейшим раскрытием всех возможностей человеческой природы; вере в таинственные достоинства английской конституции, закрепленной «славным» переворотом 1688 г., противопоставляется безграничное презрение ко всяким конституциям и борцам за конституции, смелый призыв к всевластию царя героя» [4, с. 32–33]. Как видим, Савин осознавал выраженный антидемократический характер воззрений Карлейля, его «бесцеремонное преклонение перед силой», и тот «пробел», что «за героем почти не видно толпы, немых миллионов, которые следуют за вождем». Кажется, однако, что Савин «прощает» английскому историку эти «пробелы», отдавая приоритет восхвалению революции, даже как средству найти вожда, «эйблмена» (ableman).

Я не останавливаюсь на характеристике Савиним взглядов на революцию основателей марксизма, поскольку предполагаю, что это поздняя вставка редактора, состоящая из двух цитат из Маркса и двух цитат из Энгельса без каких-то комментариев. Суть отрывка состоит в том, что Маркс рассматривал революцию в Англии как буржуазную. Труднее судить об упомянутых в тексте Савина книгах последователя Маркса Эдуарда Бернштейна. Во всяком случае, оценочная сторона здесь присутствует: как заслуга историка отмечено выдвижение им тезиса о поддержке средних классов со стороны радикально-плебейских масс; как недостаток – «недостаточный анализ действительных хозяйственных отношений той поры».

Однако действительным кумиром Савина, во всяком случае, в области изучения Английской революции, был Самюэл Гардинер. Савин писал: «Ученое значение полувековой работы Гардинера над историей XVII в. огромно. Он впервые поставил изучение этого периода на твердую методическую почву, подверг предварительной обработке огромный материал, в значительной мере впервые им пущенный в научное обращение. Хотя главная его сила в точности и методичности специального исследования, он не уклоняется от обобщений, и некоторые его выводы меняют наши общие представления об этом периоде. Он обладает большим, может быть, чрезмерным беспристрастием в суждениях и оценках. В его

выводах трудно отметить искажающее действие классовых, партийных, вероисповедных пристрастий, тем более что он вел суровую жизнь ученого-подвижника. Он не преследовал дидактических целей. Правда, он считал историю полезной, даже нужной для политического деятеля, поскольку она разъясняет настоящее; но, по его мнению, этого рода польза тем больше, чем меньше историк имеет в виду настоящее. Гардинер есть один из лучших представителей исторического объективизма. Тем поучительнее его отрицательное отношение к привнесению классово-точечной точки зрения в объяснение английской истории XVII в.» [4, с. 37]. Эта длинная цитата исключительно важна не только потому, что она передает восхищение автора, но и потому, что конструирует совершенно отчетливый с методологической точки зрения портрет историка-позитивиста, которому свойственны тщательное изучение точных фактов, беспристрастность в суждениях, разумная доля обобщений, отсутствие дидактических целей, объективизм. Далее у Савина речь идет о знаменитой гардинеровской концепции пуританской революции, причем английский историк «настаивал на том, что пуританизм отнюдь не носил резкой классовой окраски». Герои Гардинера, по мнению Савина, индифферентны; «внимательное и точное изучение» показало ему, что после победы в гражданской войне их положение было непростым, и они хотели сохранить власть не для себя, а во имя божьего дела. Савин писал: «Гардинер свел пуританских героев на землю и тем оказал им не меньшую услугу, чем Карлейль: что они проиграли в героизме, то выиграли в жизненности, правдивости, понятности» [4, с. 42]. Это действительно видно в той характеристике, которую Гардинер давал Кромвелю: «Выдающейся чертой его нравственного характера была беззаветная преданность справедливости по отношению к бедным и угнетенным... Кромвель был не такой человек, чтобы увлекаться разными тонкими соображениями или широкими философскими взглядами относительно идеального порядка вещей, может быть, желательного в другом столетии или другой стране. Вся сила его железной воли была направлена к достижению ближайшей цели... Если цели Кромвеля не захватывали широкого кругозора, то никто лучше его не знал тех условий, при которых они были достижимы; ни у кого не было более практического ума, избегавшего всякой рутины, никто не обладал способностью так умело подбирать исполнителей» [1, с. 156–157].

Изучение историографического обзора, предвещающего «Лекции по истории Английской революции» Савина, подтверждает первоначальную гипотезу о позитивистском характере методологических воззрений русского историка. Это видно в его оценках исторического процесса и развития историографии проблемы, в его предпочтениях как историографа. Обратим внимание на то, что Савин, заявляя о приверженности объективизму, фактически в идеологическом смысле небеспристрастен: он сводит дело к вопросу о соотношении двух революций, Великой и Славной, безусловно, отдавая предпочтение первой. По идеологии Савин – левый либерал, готовый принять революцию. Показательно его признание – «по личному опыту» в начале XX в. видно: когда политический порядок доживает последние дни, «недовольство разлилось глубоко», люди все же «не в состоянии представить себе возможность крушения старых форм жизни» [4, с. 7].

Библиографический список

1. Гардинер, С. Первые Стюарты и пуританская революция [Текст]. – СПб.: Издание О. Н. Поповой, 1896.
2. Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории [Текст]. – СПб.: Издание В. И. Яковенко, 1908.
3. Маколей, Т. Б. История Англии [Текст] // Маколей. Полн. собр. соч. Т. VI. – СПб. – М.: Издание М. О. Вольфа, 1866.
4. Савин, А. Н. Лекции по истории Английской революции [Текст] / под общей редакцией Е. А. Косминского. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
5. Савин, А. Н. Лекции по истории Английской революции [Текст]. – М.: Крафт+, 2000.
6. Соколов, А. Б. Кларендон как историк [Текст] // Диалог со временем. – 2013. – № 45. – С. 41–69.
7. Соколов, А. Б. Методологические воззрения А. Н. Савина и его «Лекции по истории Английской революции» [Текст] // Ярославский педагогический вестник. 2014. – Т. 1 (Гуманитарные науки). – № 2. – С. 101–107.
8. Соколов, А. Б. Фобии и политика: процесс Страффорда [Текст] // Вопросы истории. – 2014. – № 3. – С. 82–98.
9. Юм, Д. Англия под властью дома Стюартов [Текст]. – СПб.: Алетейя, 2001.
10. Burdon W. Materials for Thinking. L.: Effingham, 1820.
11. (Clarendon) The History of Rebellion and Civil Wars in England begun in the Year 1641, By Edward, Earl of Clarendon / Ed. by W. Dunn Macray. In 6 volumes. Oxford: University Press, 1969. (В сносках: Clarendon).
12. Firth C. H. Clarendon's History of Rebellion // English Historical Review. 1904. V. XIX: Part I: Issue LXXIII. P. 26–54; Part II: Issue LXXIV. P. 246–262; Part III: Issue LXXV. P. 464–483.
13. Ollard R. Clarendon and His Friends. Oxford: University Press, 1988.
14. Russel C. The Causes of the English Civil War. Oxford: Clarendon Press, 1990.

Bibliograficheskij spisok

1. Gardiner, S. Pervye Stjuarty i puritanskaja revoljucija. – SPb.: Izdanie O. N. Popovoj, 1896.
2. Karlej', T. Gerои, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii. – SPb.: Izdanie V. I. Jakovenko, 1908.
3. Makolej, T. B. Istorija Anglii // Makolej. Poln. sobr. soch. T. VI. – SPb. – M.: Izdanie M. O. Vol'fa, 1866.
4. Savin, A. N. Lekcii po istorii Anglijskoj revoljucii / pod obshhej redakciej E. A. Kosmin'skogo. – M.: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937.
5. Savin, A. N. Lekcii po istorii Anglijskoj revoljucii. – M.: Kraft+, 2000.
6. Sokolov, A. B. Klarendon kak istorik // Dialog so vremenem. – 2013. – № 45. – S. 41–69.
7. Sokolov, A. B. Metodologicheskie vozzrenija A. N. Savina i ego «Lekcii po istorii Anglijskoj revoljucii» // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2014. – T. 1 (Gumanitarnye nauki). – № 2. – S. 101–107.
8. Sokolov, A. B. Fobii i politika: process Strafforda // Voprosy istorii. – 2014. – № 3. – S. 82–98.
9. Jum, D. Anglija pod vlast'ju doma Stjuartov. – SPb.: Aleteja, 2001.
10. Burdon W. Materials for Thinking. – L.: Effingham, 1820.
11. (Clarendon) The History of Rebellion and Civil Wars in England begun in the Year 1641, By Edward, Earl of Clarendon / Ed. by W. Dunn Macray. In 6 volumes. Oxford: University Press, 1969. (V snoskah: Clarendon).
12. Firth C. H. Clarendon's History of Rebellion // English Historical Review. 1904. V. XIX: Part I: Issue LXXIII. P. 26–54; Part II: Issue LXXIV. P. 246–262; Part III: Issue LXXV. P. 464–483.
13. Ollard R. Clarendon and His Friends. Oxford: University Press, 1988.
14. Russel C. The Causes of the English Civil War. Oxford: Clarendon Press, 1990.